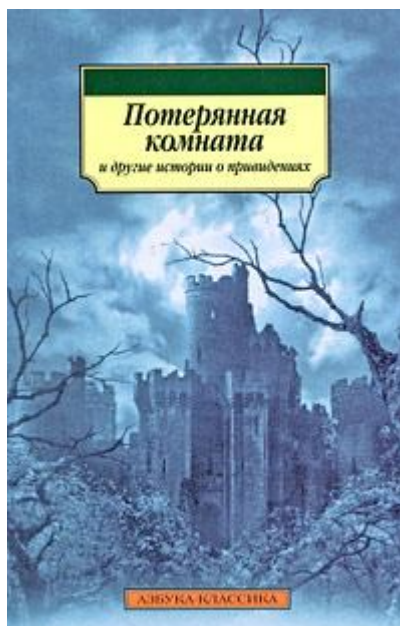

Фиц-Джеймс О'Брайен Потерянная комната

Фиц-Джеймс О'Брайен ПОТЕРЯННАЯ КОМНАТА

Жара стояла удушающая. Солнце давно скрылось, но как будто оставило после себя свой жизненный дух – жару. Воздух застыл; листья акаций, заслонившие мои окна, повисли грузом на тонких стеблях. Дым от сигары не поднимался выше моей макушки, и приходилось разгонять это стоячее бледно-голубое облачко ленивыми взмахами руки. Рубашку я расстегнул, открытая грудь тяжело вздымалась, пытаюсь вобрать в себя хоть сколько-нибудь свежего воздуха. Казалось, даже городские шумы одолела дремота; тишину нарушал один только гул комаров.

Пока я лежал, задрав ноги, в кресле и мысли мои, как иногда бывает, блуждали незнамо где, мной овладело странное желание: неспешно перебрать в уме главные предметы обстановки в комнате. Эта задача как раз соответствовала моему тогдашнему настроению. Комнату уже накрыла тень сумерек, но тусклые очертания мебели еще виднелись, и мне ничего не стоило вычленить взглядом отдельные предметы; притом кресло стояло так удачно, что не приходилось даже вертеть головой.

*Imprimus*¹ призрачная литография Калама². Она выглядела всего лишь черным пятном на белой стене, но память воспроизводила картину во всех деталях. Полночь, пустынная местность, в центре на переднем плане – дуб, похожий на привидение. Отчаянно, во всю силу дует ветер; он сносит влево изломанные, одетые скудной листвой ветки. По грозному небу стремятся бесформенные нагромождения туч, дождь хлещет почти параллельно горизонту. На заднем плане вересковая пустошь переходит в бескрайнюю тьму; в самой дали словно бы плывут в пространство неясные формы, вызванные к жизни то ли воображением, то ли искусством. У подножия гигантского дуба стоит закутанный в плащ

¹ Прежде всего (лат.).

² ...призрачная литография Калама. – Александр Калам (1810–1864), швейцарский художник, изображавший в своих полотнах преувеличенно романтические пейзажи.

человек. Плащ под напором ветра плотно облепляет его тело, петушиное перо на шляпе дыбится, как бы в испуге. Лица не видно: подхватив плащ обеими руками, человек закрывает его с двух сторон складками ткани. Впечатление такое, что картина бессюжетна. Она ни о чем не повествует, однако обладает таинственной, внедряющейся в память силой – потому я ее и купил.

Рядом с картиной, чуть ниже, просматривается круглое пятно – это моя курительная шапочка. Спереди вышит мой герб, из-за этого я ее не ношу, однако, если как следует пристроить ее на голове, чтобы длинная синяя кисточка свисала вдоль щеки, она мне, по-моему, очень даже идет. Помню время, когда ее шили. Помню миниатюрные ручки, которые проворно продергивали шелковые нитки сквозь натянутую на пальцы ткань; помню, с каким трудом мне досталась цветная копия моего герба, по которой был вышит рисунок спереди на ленте; помню поджатые губки и наморщенный юный лоб мастерицы, когда она гадала, что же делать с облаком, из которого торчит рука в латах (изображение в верхней части моего герба); помню блаженный миг, когда те же миниатюрные ручки водрузили головной убор мне на голову (я принял горделивую позу, но продержался в ней недолго) и как я, уподобившись монарху, немедленно после коронации воспользовался своей монаршей привилегией: обложил единственную подданную налогом, уплаченным, впрочем, без всякого ропота. Ах, шапочка сохранилась, но не стало вышивальщицы: она готовилась укрыть шелком мою макушку, меж тем как к нити судьбы над ее собственной головой уже тянулись ножницы Атропос!³

До чего же громоздким кажется в неверном сумеречном свете большое фортепьяно в левом от двери углу! Я не умею ни играть, ни петь, но фортепьяно у себя держу. Мне приятно, глядя на него, сознать, что за музыкой далеко ходить не надо, даром что я не способен снять наложенное на нее заклятье. В этом объемистом ящике дремлют Беллини⁴ и Моцарт, Чимароза⁵, Порпора⁶, Глюк⁷ и прочие – по крайней мере, их души, – и я этому рад. Недвижные, как мумии, там покоятся все оперы, сонаты, оратории, ноктюрны, марши, песни и танцы, какие когда-либо выбирались на свет из-за ограждения в четыре перекладины, что заключает в себе мелодии. Однажды фунты, вложенные мною в неиспользуемый инструмент, полностью окупилась. Ко мне в гости пожаловал Блокита, композитор. И разумеется, его неудержимо повлекло к моему фортепьяно, словно бы оно обладало неким магнетизмом. Он настроил инструмент и начал играть. Долгие часы, пока в глубинах полуночи не возжегся серый призрачный рассвет, Блокита сидел и играл, а я, лежа у окна, курил и слушал. Импровизации его были причудливы, неистовы, иногда невыносимо мучительны. Казалось, струны вот-вот разорвутся от боли. В мрачных прелюдиях слышались вскрики падших душ; волны рождавшихся под его руками звуков наполнились смутными жалобами, бесконечно далекими от красоты и гармонии. Бродили по отдаленным пустошам, в сырых, угрюмых кипарисовых рощах меланхолические любовники, изливая свои безответные печали; резвились и пели среди болотной трясины злобные гномы, жуткими голосами славя свою победу над сгинувшим рыцарем. Таков был ночной концерт Блокиты,

³ ...ножницы Атропос! – Атропос (*греч.* неотвратимая), дочь Ананки (варианты: Никты и Эреба или Зевса и Фемиды), одна из мойр (богинь судьбы), сестра Клото и Лахесис, обрезающая нить человеческой жизни в назначенный судьбой срок.

⁴ Беллини. – Винченцо Беллини (1801–1835) – итальянский композитор.

⁵ Чимароза. – Доменико Чимароза (1749–1801) – итальянский композитор.

⁶ Порпора. – Никола Порпора (1686–1768), итальянский композитор, педагог, главный представитель неаполитанской школы XVIII в.

⁷ Глюк. – Кристоф Виллибальд Глюк (1714–1787) – австрийский композитор.

но наконец он захлопнул крышку фортепьяно и поспешил зябким утром восвояси, на инструменте же осталась печать неизбывных воспоминаний.

Между зеркалом и дверью висят снегоступы – памятка о странствиях по Канаде. Мы долго гнались сквозь лесную чащобу за карибу⁸; ломая тонкими копытцами ледяную корку, он вяз в сугробах; наконец бедняга окончательно запутался в можжевельовой поросли, и мы безжалостно его застрелили. Помню, как франкоканадец Габриэль и полукровка Франсуа перерезали оленю горло и на снег потоками хлынула горячая кровь; помню *cabane*⁹ из снега, которую построил Габриэль, – как тепло там было спать, как прыгали в демонической пляске по черной стене леса отсветы нашего костра, как мы жарили на завтрак бифштексы из оленины и до какого свинского состояния упился к утру Габриэль, который всю ночь прикладывался потихоньку к моей фляжке с бренди.

А вот висит над каминной полкой длинный кинжал без рукояти – при взгляде на него мое сердце наполняется гордостью. Я нашел его, когда был маленьким, в древнем-предревнем замке, где некогда жил один из моих предков по материнской линии. Этот самый предок – кстати, оставивший след в истории – был чудак, старый пират; обитал он на самой крайней точке юго-западного ирландского побережья. Ему принадлежал целиком Иннискейран, плодородный остров, который расположен напротив острова Кейп-Клира; разделяющий их атлантический пролив с бурным течением рыбаки называют Гул. Жуткое место – этот самый Гул в зимнюю пору. В иные дни плавать там и вовсе невозможно, и Кейп-Клир подолгу остается отрезанным от большой земли.

Старый пират, о котором идет речь (сэр Флоренс О’Дрисколл его звали), вел бурную жизнь. С вершины своего замка он наблюдал за океаном, и, стоило показаться на горизонте судну с богатым грузом (товарами с юга для трудолюбивых негоциантов Голуэя), сэр Флоренс распускал паруса своей галеры и на обратном пути лишь в случае особой неудачи не вез с собой на буксире корабль с командой. Так он и жил: на наш современный взгляд, не то чтобы очень честно, однако вполне в ладу с нравами того времени. В один прекрасный день, как можно было ожидать, у сэра Флоренса случились неприятности. Ограбленные купцы подали жалобу в английский суд, и ирландскому викингу пришлось отправиться в Лондон, чтобы похлопотать за себя перед доброй королевой Бесс¹⁰, как ее называли. У сэра Флоренса имелся один очень существенный козырь: он был на загляденье хорош собой. В его жилах текла не кельтская, а наполовину испанская, наполовину датская кровь; нордическая стать сочеталась в нем с правильными чертами лица, пламенным взором и темными волосами, свойственными иберийской расе. Все это, возможно, и послужило причиной его необычно долгого пребывания при английском дворе, а также толков, которые упоминаются местным историком: английская королева, мол, оказала ирландскому вождю милости иного рода, нежели те, каких обычно могут ожидать подданные от государыни.

Прежде чем отбыть в Англию, сэр Флоренс доверил заботиться о своей собственности англичанину по фамилии Халл. За долгий срок этот Халл сумел так втереться в доверие местным властям, что мог рассчитывать на помощь едва ли не в любой своей затее. После продолжительной отлучки сэр Флоренс, полностью прощенный за все свои проступки, вернулся домой. Вернее, не домой. Всею его недвижимостью завладел Халл, не собиравшийся уступать ни акра несправедливо приобретенной земли. Взывать к закону было бесполезно: его блюстители поддерживали противоположную сторону. Не приходилось взывать и к королеве: место прежнего фаворита занял новый, а бедный ирландский рыцарь

⁸ *Карибу* – североамериканский дикий северный олень.

⁹ Хижина (*фр.*).

¹⁰ ...*перед доброй королевой Бесс...* – «Добрая королева Бесс» (Good Queen Bess) – прозвище английской королевы Елизаветы I Тюдор (1533–1603; правила с 1558 г.).

был совершенно забыт. Большая часть жизни нашего викинга ушла на безуспешные попытки вернуть себе свое громадное состояние; в старости ему пришлось довольствоваться единственным замком у моря и еще островом Иннискейраном: до этих владений у узурпатора не достигли руки. Вот такая старинная история из жизни моего рода проступает из мглы, когда я разглядываю в потемках висящий на стене кинжал без рукояти.

Примерно таким образом я перебирал в своем сонном мозгу принадлежащую мне собственность. Стоило мне перевести взгляд на очередной предмет, вернее, на место, где он должен был находиться (в сгустившейся тьме от зрения было мало толку), как меня начинали осаждать воспоминания и волей-неволей я сдавался на их милость. Перечисление подвигалось медленно, сигара в конце концов сократилась до горячего и горького окурка, который я едва удерживал во рту, а тем временем гнет жары и духоты сделался невыносимым. Пока я выдумывал всяческие способы охлаждения своей страждущей плоти и отбрасывал их как несбыточные, окурочек начал обжигать мне губы. Я злобно швырнул его в открытое окно и наклонился посмотреть, как он будет падать. Он опустился вначале на листья акации, брызнул красными искрами, скатился вниз и шлепнулся на темную дорожку сада, отбросив слабый мимолетный отсвет на угрюмые деревья и замершие в неподвижности цветы. Был ли то контраст между красной вспышкой окурка и безмолвным мраком сада или слабое шевеленье листьев, которое я заметил при вспышке, – но что-то подсказало мне, что в саду прохладно. Спустился-ка вниз, подумал я, прямо сейчас: не может быть, чтобы в саду было жарче, чем в комнате; ветра нет, ну и ладно, все равно на открытом воздухе легче дышится, потому что чувствуешь свободу и простор. Я встал, зажег еще одну сигару и вышел в длинный, извилистый коридор, который вел к парадной лестнице. Знать бы мне, что я не вернусь больше в свою комнату, – с совсем иным настроением я пересек бы тогда ее порог!

Я обитал в очень большом доме, где занимал две комнаты на третьем этаже. Дом был старомодный, в верхние этажи вела огромная круглая лестница, расположенная в самом центре, от каждой площадки расходились по таинственным уголкам путанные коридоры. Чертоги мои были обширны, и щелей и поворотов в них было не перечесать. Переходы не кончались. Тупики как таковые были тут неизвестны. Коридоры и галереи, как геометрические линии, тянулись в бесконечность, не иначе как перед архитектором была поставлена задача соорудить здание, где можно бродить, не поворачивая назад, целую вечность. Интерьеры казались мрачными не из-за громадных размеров, а из-за полной и жутковатой наготы, что словно бы заполняла собой все уголки. Пустыня царила повсюду: на лестничных клетках, в коридорах, залах, вестибюлях. На голых стенах не было ни единого украшения, чтобы оживить тонущие в полумраке перспективы. Деревянная отделка стен – без резьбы, простые строгие карнизы – без глядящих оттуда гипсовых масок, лестничные площадки – без мраморных ваз. Куда ни посмотри – все тускло и безжизненно; подобные интерьеры в Америке большая редкость. Как будто привели в порядок и покрасили заново дом с привидениями Гуда¹¹. Слуги тоже смахивали на тени и показывались нечасто. Приходилось по три раза звонить в колокольчик, прежде чем соизволит явиться хмурая горничная, что же до чернокожего подавальщика, выходца из Конго (по виду ни дать ни взять ходячий мертвец), то тот показывался не прежде, чем ты, отчаявшись его дозваться, удовлетворишь свою надобность иным способом. Уж лучше бы он вообще не появлялся, говорил ты себе, досадуя при виде его угрюмой дикарской физиономии. Он приближался бесшумно, едва волоча ноги, и наконец выныривал из темноты, чернуший, похожий на

¹¹ ...с привидениями Гуда. – Имеется в виду стихотворение Томаса Гуда (1799–1845) «Дом с привидениями» (The Haunted House), о котором Эдгар По в своей статье «Поэтический принцип» отозвался так: «Это одно из самых правдивых стихотворений, когда-либо написанных, одно из самых правдивых, одно из самых совершенных, одно из самых отшлифованных в художественном отношении как по теме, так и по выполнению» (пер. В. Рогова).

африта, призванного против воли силой заклинаний¹². Когда двери всех комнат бывали закрыты и длинный коридор освещала одна только маленькая масляная лампа на столике в конце, где зажигали свечи припозднившиеся жильцы, глазу представлялась самая унылая, невообразимо безжизненная перспектива.

И все же этот дом меня устраивал. При своем созерцательном образе жизни и домоседстве я наслаждался полной тишиной, которая там царила. Жильцов там было немного (из чего я заключаю, что хозяин не особенно процветал), и они, под гнетом мрачной местной атмосферы, передвигались бесшумно, как духи. Не припомню даже, когда я встречался с собственником дома. Счета раз в месяц клали на стол невидимые руки, пока я совершал пешую или верховую прогулку, требуемую сумму я вручал прислужнику-африту. В целом, помня о бодрой и суетливой жизни Нью-Йорка, следует признать, что мой дом был погружен в аномальную спячку, и я, жилец, ценил это как никто другой.

В поисках зефиrow я ощупью спустился по широкой темной лестнице. В саду, по сравнению с комнатой, было прохладней, и я, более-менее придя в себя, прошелся с сигарой по темным, осененным кипарисами дорожкам. Стояла темень. Высокие цветы на краю тропинки слились в густом мраке в сплошные массы пирамидальной формы; цветков, листьев было не различить, деревья же, напротив, потеряли всякую форму и походили на сгрудившиеся облака. Место и время располагали к игре фантазии: в непроницаемых для глаза углублениях могли разыгрываться сцены, сколь угодно причудливые. Я шел все дальше и дальше, и эхо моих шагов на замшелой, не посыпанной гравием тропинке вызывало у меня двоякое чувство. Я был один и в то же время словно бы не один. Глубокая тишина, нарушаемая лишь глухим стуком шагов, свидетельствовала, что здесь никого, кроме меня, нет, но те же звуки вселяли в меня и противоположное ощущение. Вот почему я не вздрогнул, когда из сплошной тени под гигантским кипарисом со мной кто-то заговорил:

– Сэр, не дадите ли огоньку?

– Конечно, – отозвался я, безуспешно разглядывая, кто бы это мог быть.

Некто вышел вперед, я протянул ему сигару. Сказать уверенно можно было только одно: это был человек на редкость маленького роста. Я далеко не великан, однако, чтобы поднести ему сигару, мне пришлось низко склониться. Он энергично затянулся, моя сигара вспыхнула, и передо мной вроде бы мелькнуло бледное странное лицо в ореоле длинных растрепанных волос. Вспышка, однако, была настолько мимолетной, что я не мог определить, видел я его в самом деле или, по причине бессилия чувств, дал волю воображению.

– Поздненько же вы гуляете, сэр, – проговорил незнакомец, невнятно меня поблагодарил и вернул сигару, которую я не сразу нашупал в темноте.

– Не позднее обычного, – сухо ответил я.

– Хм! Так вы любитель поздних прогулок?

– Когда приходит охота.

– Вы здесь живете?

– Да.

– Чудной дом, правда?

– Мне кажется, просто спокойный.

– Хм! Поверьте мне на слово, скоро он и вам покажется чудным. – Сказано это было вполне серьезно; одновременно его костлявый палец, как тупой нож, больно врезался мне в руку.

– Никак не могу поверить вам на слово, коли вы такое утверждаете, – грубо отрезал я и, не сумев скрыть отвращение, страхнул с себя костлявый палец.

– Ну-ну, без обид, – поспешно пробормотал мой невидимый собеседник странным,

¹² ...похожий на африта, призванного против воли силой заклинаний. – Африты (ифриты) – в арабской мифологии злые духи, враги джиннов, не желающие повиноваться и стремящиеся извращать намерения своих владельцев.

приглушенным голосом: заговори он громче, он бы, наверное, сорвался на визг. — Злостью делу не поможешь. Вы убедитесь, что это чудной дом. Все так считают. Вам известно, кто там живет?

— Сэр, я никогда не вмешиваюсь в чужие дела. — Мой ответ прозвучал резко: при подобных манерах еще и держится невидимкой, ну как тут не пожелать отвязаться от него как можно скорее?

— Правда? А я вот вмешиваюсь. Я знаю, кто они... ну ладно, ладно, ладно. — При каждом «ладно» голос его повышался; последнее он выкрикнул, разбудив среди уединенных тропинок жуткое эхо. — Вы знаете, что они едят? — продолжил незнакомец.

— Нет, сэр... меня это не интересует.

— О, скоро заинтересуетесь. Вы должны этим интересоваться. Обязаны. Я вам скажу, кто они. Они колдуны. Упыри. Каннибалы. Вы никогда не замечали, как они едят вас глазами, когда вы проходите мимо? А пища, которую они подают вам на стол? А не случилось ли вам в самый глухой час ночи услышать, как скользят украдкой по коридору шаги, заметить, как поворачивается ручка двери? А их магнетическое воздействие — стоит им появиться, и дрожь сотрясает ваши тело и душу, лоб покрывается холодной испариной, на жарком солнце и то не согреться? Да, а как же! Вам это знакомо! Не отпирайтесь!

Серьезность и стремительность речи собеседника, приглушенный тон, страсть в голосе — от всего этого мне стало не по себе. Мне вдруг померещилось, будто я вспоминаю эпизоды и ощущения, о которых он говорил, и я содрогнулся, стоя среди непроницаемой тьмы.

— Хм! — Сам того не замечая, я заговорил доверительным тоном. — Нельзя ли вас спросить, откуда вы все это знаете?

— Откуда знаю? Потому что я их враг. Потому что они трепещут, заслышав мой шепот. Потому что я иду по их следу упорно, как ищейка, и неслышно, как тигр, потому что... потому что... когда-то я был одним из них!

— Негодяй! — вскричал я. Невольно поддавшись его страстному тону, я сделался сам не свой. — Вы хотите сказать, что вы...

Тут я, сам того не желая, вытянул руку и попытался схватить невидимого собеседника. Кончиками пальцев я ощутил гладкую, как стекло, поверхность, и вдруг она скользнула прочь. Злобное шипенье послышалось в сумраке, за ним свист, словно пролетела пуля, — еще миг, и я почувствовал, что остался один.

Тотчас мной овладело в высшей степени неприятное чувство. Пророческое предвиденье какой-то грозной опасности; неодолимое и острое желание как можно скорее возвратиться в свою комнату. Повернувшись, я ринулся наугад по аллее темных кипарисов; при виде чернеющих по краям цветочных зарослей у меня каждый раз екало сердце. Эхо моих шагов словно бы двоилось, в нем слышался топот таинственных преследователей. На ветках сирени и жасмина, что тянулись поперек дорожки, словно бы выросли крючковые руки, хватавшие меня на бегу; я ждал, что вот-вот на моем пути воздвигнется страшный и неодолимый барьер, через который мне вовек не перебраться.

Наконец я достиг парадного входа. Одним прыжком перескочив четыре-пять ступеней крыльца, я пробежал холл, широкую гулкую лестницу, темные мрачные коридоры и, хватая ртом воздух, остановился у своей двери. Здесь я помедлил, чтобы отдышаться, и всей тяжестью оперся на одну из створок. Но стоило мне налечь на дверь, как она внезапно подалась и я головой вперед ввалился в комнату. Я был ошеломлен: когда я уходил, там царила тьма, теперь же сияли огни. Освещение было таким ярким, что несколько секунд, пока глаза не привыкли, я не видел ничего, кроме ослепительного блеска. От такой неожиданности я, разумеется, оправился не сразу и миг-другой стоял в растерянности, прежде чем заметил, что помещение не только освещено, но и заполнено посетителями. Причем какими! Я был так поражен, что потерял дар речи и способность двигаться. Все, что я мог, это привалиться к стене и вытаращить глаза.

Эта сцена могла происходить на страницах «Фобласа»¹³, мемуаров графа де Грамона¹⁴ или в каком-нибудь из замков министра Фуке¹⁵.

Вокруг большого стола в центре комнаты, который я, подобно школяру или ученому, усеял ворохом книг и бумаг, восседали полдюжины гостей: трое мужчин и три женщины. Сам стол поражал роскошью. В серебряных филигранных вазах громоздились сочные фрукты Востока, в ажурных прорезях блестела, играя множеством оттенков, их глянцевая кожура. Изящные серебряные блюда (не работы ли самого Бенвенуто?)¹⁶, беспорядочно расставленные по скатерти из белоснежного дамаста, были полны сочных, душистых яств. И бесконечное изобилие бутылок: узких с Рейна, приземистых из Голландии, пузатых из Испании, в причудливой оплетке – из Италии. Все оставшееся пространство занимали стаканы и бокалы всевозможных цветов и размеров: объемистый немецкий кубок со сплюснутыми боками соседствовал с дутым венецианским, невесомо, как воздушный пузырь, опиравшимся на свою нитяно-тонкую ножку. По комнатам блуждали ароматы роскоши и сладострастия. От ламп, горевших во всех мало-мальски пригодных для них местах, слегка тянуло благовониями, в большой вазе на полу теснились охапки магнолий, тубероз, жасмина, благоухая одни слаще и терпче других.

Чувственной атмосфере моей комнаты вполне соответствовали и ее обитатели. Женщины необычной красоты были наряжены в платья самых причудливых фасонов и ярких расцветок. Округлый гибкий стан; черные томные глаза; полные, свежие, как вишни, губы. Трое мужчин были в полумасках, и я различал только тяжелые челюсти, острые бородки и крепкие шеи, подобно массивным колоннам выраставшие из их дублетов. Все шестеро возлежали вокруг стола на римских ложах, пили залпом пурпурное вино и, откинув голову, разражались диким хохотом.

Прислонившись к стене и бессмысленным взглядом созерцая эту вакханалию, я простоял, наверное, минуты три, и все это время пирующие меня словно бы не замечали. Наконец две женщины, ни единым жестом не давая понять, знали они раньше о моем присутствии или нет, поднялись на ноги, приблизились, взяли меня за руки и подвели к столу. Я следовал за ними машинально, как кукла. Между их ложами стояло еще одно, мне на него указали, я сел. Без сопротивления позволил женщинам обвить руками мою шею.

Тебе нужно выпить, – сказала одна, наполняя большой бокал красным вином, – это «Кло Вужо» редкостного урожая, а это, – она пододвинула ко мне оплетенную бутылку с янтарной жидкостью, – это «Лакрима Кристи».

– Тебе нужно поесть, – сказала другая, протягивая руку за серебряным блюдом. – Вот отбивные, тушенные с оливками, а вот ломтики филе с фаршем из толченых сладких каштанов. – Не дожидаясь ответа, она стала наполнять мою тарелку.

При виде кушаний я вспомнил, о чем меня предупреждал незнакомец в саду. Едва я

¹³ ...на страницах «Фобласа»... – «Похождения кавалера Фобласа» (1787–1790) – гривуазный роман французского писателя Жана-Батиста Лувре де Кувре (1760–1797).

¹⁴ ...мемуаров графа де Грамона... – Граф Филибер де Грамон (1621–1707), французский аристократ, в 1662 г. высланный из Парижа за любовную связь с фавориткой Людовика XIV. Провел два года в Лондоне, играя заметную роль при дворе Карла II, и женился на знаменитой красавице Элизабет Гамильтон, брат которой – Антуан Гамильтон – написал «Мемуары графа де Грамона», якобы продиктованные ему самим графом.

¹⁵ ...в каком-нибудь из замков министра Фуке. – Николя Фуке (1615–1680) – французский государственный деятель, с 1653 г. – суперинтендант финансов. Систематически расширяя в громадных размерах государственную казну, выстроил себе великолепный дворец и вел там самый роскошный образ жизни.

¹⁶ ...не работы ли самую Бенвенуто? – Бенвенуто Челлини (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир, живописец, воин и музыкант эпохи Ренессанса.

напряг память, как ко мне вернулась способность двигаться и говорить.

– Демоны! – вскричал я. – Не надо мне ваших проклятых яств. Я вас знаю. Вы каннибалы, упыри, колдуны. Прочь, говорю вам! Прочь из моей комнаты!

Единственным ответом на мою страстную тираду был всеобщий взрыв хохота. Мужчины перекатывались на кушетках, гримасничали, их полумаски тряслись. Женщины вскрикивали, вскидывали высокие тонкие бокалы; рыдая от смеха, они бросились мне на грудь.

– Да, – продолжил я, как только стихли раскаты веселья. – Да, сию же минуту прочь! Это моя комната! Не нужно мне здесь ваших чудовищных оргий!

– Его комната, – взвизгнула моя соседка справа.

– Его комната! – эхом повторила соседка слева.

– Его комната! Он называет эту комнату своей! – подхватила, корчась от смеха, вся компания.

– С чего ты взял, что это твоя комната? – спросил наконец мужчина напротив, когда весельчаки притихли.

– С чего я взял? – возмутился я. – С чего я взял, что это моя комната? По-вашему, я могу ошибиться? Вот моя мебель... фортепьяно...

– Он называет это фортепьяно! – снова зашлись соседки, когда я указал в угол, где стоял огромный рояль, освященный воспоминаниями о Блоките. – О да! Это его комната. Вот... вот его фортепьяно!

Услышав, с какой странной интонацией они произносят слово «фортепьяно», я пристальней присмотрелся к предмету, на который указывал пальцем. Вторжение этих людей в мою комнату, конечно, поразило меня до глубины души и заставило вспомнить странные истории, услышанные в саду, однако до сих пор я все еще надеялся, что это маскарад, устроенный в мое отсутствие какими-то чудаками, что кто-то решил так изощренно надо мной пошутить, а вакханалия, которую я застал, – часть этой шутки. Но, обратив взгляд в угол, я обнаружил там не большое, громоздкое фортепьяно, а фасад огромного темного органа с трубами до самого потолка. Поспешно прикинув, я сообразил, что он занимает то самое место, где стоял мой собственный инструмент, и тут мне сделалось совсем не по себе. Я растерянно огляделся.

Вся остальная обстановка изменилась тоже. На месте старого кинжала без рукоятки, связанного у меня со столь многими историческими воспоминаниями, висел на собственном ремне из алого шелка турецкий ятаган, рукоятка его, вся в драгоценных камнях, искрилась в свете ламп. Место заветной шапочки, памятки о погибшей любви, занял рыцарский шлем, увенчанный фигурой золотого дракона в прыжке. Необычная литография Калама перестала быть литографией: кусок стены тех же размеров и очертаний был вынут, и в этом оконце отчетливо наблюдалась та же – и в тех же масштабах – сцена, но настоящая и с настоящими действующими лицами. Там были и старый дуб, и штормовое небо, только ветер действительно вздымал ветви дуба и гнал по небу облака. Путешественник в плаще исчез, но появились танцоры, мужчины и женщины, сплетавшие руки в неистовой пляске вокруг гигантского дерева; обрывки их диких песнопений подхватывал, вторя им, ветер. Исчезли и плетеные снегоступы, мои помощники в многодневных путешествиях по снежным пустыням Канады; их заменила пара странных восточных туфель с загнутыми носами – немало раз, вероятно, под негасимым солнцем Востока хозяин этих туфель сбрасывал их перед порогом мечети.

Поменялось все. Куда ни падал мой взгляд, вместо знакомых предметов обнаруживалось нечто диковинное. И все же во всех заменах наблюдалась некоторая общность с прежней вещью. словно бы она на время поменяла форму, но еще не потеряла прежнего содержания. Я мог бы поклясться, что эта комната моя, хотя ни на одну вещь я не указал бы как на принадлежащую мне. Каждый предмет напоминал прежнюю мою собственность. Я поискал в окне акацию – но нет, за открытой оконной решеткой качались длинные шелковистые листья пальмы; и все же движениями, очертаниями своими эта пальма

походила на мое любимое дерево. Ее листья словно шептали: «Мы только кажемся пальмовыми листьями, а на самом деле мы листья акации; да, те самые, в которых резвились бабочки, которые хлестало дождем, которыми ты любовался в полудреме сквозь дым сигары!» И так во всем. Комната была моя и одновременно не моя; с ужасом поняв, что не способен примирить сущность предметов с их обликом, я почувствовал, что теряю последний разум.

– Ну что, решил наконец, твоя это комната или не твоя? – спросила девица слева, поднося мне гигантский бокал с пенным шампанским и злорадно усмехаясь.

– Моя, – упрямо ответил я и резко отвел от себя бокал, залив ароматным вином белую скатерть. – Я знаю, что она моя, а вы – мошенники и колдуны, хотите свести меня с ума.

– Ну-ну! – мягко произнесла она, несколько не обидевшись на грубое обращение. – Ты чересчур разволновался. Альф сыграет для тебя что-нибудь успокоительное.

Повинуясь ее жесту, один из мужчин поднялся с кушетки и сел за орган. После краткой, бурной прелюдии зазвучала, как мне показалось, симфония воспоминаний. Мрачная, исполненная пронзительной боли музыка рисовала как будто темную ненастную ночь, холодный риф, бьющийся о него в вечной злобе невидимый, но грозно слышимый океан. На рифе – одинокая пара, он живой, она мертвая; прижимая к себе ее нежную шею, нагую грудь, он тщится отогреть ее, вернуть к жизни, меж тем как его собственную жизненную силу высасывает ледяное дыхание бури. Время от времени в мелодию вплетались пронзительные минорные ноты, словно крики морских птиц или предвестие близкой смерти. Пока незнакомец играл, я едва сдерживал себя. Мне казалось, я слушаю, я вижу Блокиту. Удивительная ночь, когда я, упиваясь и страдая, внимал его игре, возобновилась с того самого места, на котором была прервана, и мелодию творила та же рука. Я впился взглядом в человека, которого женщина назвала Альфом. Он сидел в плаще и дублете, при длинной шпаге и маске из черного бархата. Но его заостренная борода и загадочно-знакомая копна всклокоченных, точно под ветром, черных волос – все это всколыхнуло во мне воспоминания.

– Блокита! Блокита! – крикнул я, исступленно вскочив с ложа и, словно ненавистные цепи, скидывая с шеи кольцо прекрасных рук. – Блокита, друг, поговори со мной, молю! Скажи этим гадким колдунам, пусть оставят меня в покое. Скажи, они мне отвратительны. Скажи, я приказываю им убраться прочь из моей комнаты!

Человек за органом даже не пошевелился. Он бросил играть, и последняя тронутая им нота печальным стоном истаяла в воздухе. Остальные мужчины и женщины снова издевательски расхохотались.

– Ну что ты заладил: твоя комната да твоя? – спросила моя соседка с улыбкой вроде бы доброй, но, на мой взгляд, невыразимо противной. – Разве мы не доказали, что ты ошибаешься: мебель не та, весь вид комнаты не тот, какая же она твоя? Ты у нас, вот и смиришься с этим. Никто тебя не гонит, не беспокойся больше о своей комнате.

– Смириться? – вскинулся я. – Сосуществовать с нежитью, есть ужасное мясо, наблюдать ужасные картины? Ни за что! Вы напустили чары, сделали комнату не такой, как была, но я все равно знаю: она моя. Так что убирайтесь!

– Тише, тише! – вмешалась еще одна сирена. – Уладим дело любовно. Бедный джентльмен заупрямился и готов устроить скандал. А нам скандалы не нужны. Нам нравится ночь и ночная тишина, а из ночей мы предпочитаем лунные, когда луна погребена в облаках. Так ведь, други?

Мрачные, зловещие улыбки мелькнули на лицах ее таинственных слушателей, словно выскользнули из-под масок.

– Так вот, – продолжала она, – у меня есть предложение. Смешно было бы с нашей стороны уступить комнату единственно потому, что этому джентльмену угодно называть ее своей. И тем не менее, не выходя за рамки справедливости, я склонна уступить его нелепым претензиям. В конце концов, не так уж много она для нас значит, эта комната; мы с легкостью добудем себе другую, вот только обидно подчиняться столь категорическому

требованию. Тем не менее мы готовы *поставить ее на кон*. То есть, – она повернулась ко мне, – я предлагаю разыграть комнату. Если выиграете вы, мы сей же час вам ее уступим, если же выигрыш выпадет нам, вы обязуетесь удалиться и больше нас не беспокоить.

Поскольку покров тайны все сгущался и рассеять его я при всем старании не мог, меня чуть ли не обрадовал представившийся шанс. О последствиях проигрыша или выигрыша я не думал. Мною руководила неопределенная надежда, что, воспользовавшись предложением, я смогу мигом вернуть себе свою тихую комнату и спокойствие духа, столь странным образом нарушенное.

– Согласен! – нетерпеливо выкрикнул я. – Согласен. Согласен на что угодно, лишь бы избавиться от такого бредового соседства!

Женщина тронула золотой колокольчик, лежавший рядом на столе, и не успел умолкнуть звон, как в дверь вошел чернокожий карлик с серебряным подносом, на котором стояли стаканчики с игральными костями. Меня сотрясла дрожь, когда в низкорослом африканце я заметил сходство с черным, похожим на вурдалака лакеем, который издавна мне прислуживал.

– Ну что? – Женщина схватила один из стаканчиков и протянула мне другой. – У кого больше, тот выиграл? Мне бросать первой?

Я кивнул. Она встряхнула кости, и я испытал невыразимое облегчение: ей выпало пятнадцать.

– Очередь за тобой, – с насмешливой улыбкой произнесла женщина, – но, прежде чем ты кинешь кости, повторяю свое предложение. Живи с нами. Будь одним из нас. Мы посвятим тебя в свои тайны и приобщим к удовольствиям – а они таковы, что ты их себе не представишь, пока не испробуешь. Передумать еще не поздно. Присоединяйся!

Яростно выругавшись в ответ, я судорожно встряхнул кости и кинул их на стол. Они все не останавливались, и в эти краткие мгновения я волновался так, как никогда ни прежде, ни впоследствии. Наконец они улеглись передо мной. Жуткий, сводящий с ума смех зазвенел у меня в ушах. Я вглядывался в кости, но без толку: в глазах у меня потемнело и я не различал, сколько выпало очков. Прошла секунда или две. Зрение прояснилось, и я в отчаянии откинулся назад: я выбросил *двенадцать!*

– Проиграл, проиграл! – взвизгнула моя соседка, отчаянно расхохотавшись. – Проиграл, проиграл! – низкими голосами подхватили мужчины в масках. – Прочь, трус, – закричали все, – ты не годишься в нашу компанию. Помни, что обещал: прочь!

Незримая сила подхватила меня за плечи и толкнула к дверям. Тщетно я упирался. Тщетно кричал и звал на помощь. Тщетно молил о снисхождении. Ответом были взрывы издевательского веселья, невидимка напирал, и я, шатаясь, как пьяный, приближался к дверям. Когда я ступил на порог, орган грянул мелодию, исполненную неистового торжества. Невидимка вложил всю силу в мощный толчок, и я кубарем выкатился в гулкий коридор. Дверь быстро затворилась, и я успел лишь бросить мимолетный взгляд на обиталище, которое покидал навеки. С ним произошло быстрое, как тень, преображение. Лампы потухли, чаровницы и замаскированные мужчины исчезли, цветы, фрукты, яркое серебро и причудливая мебель тоже растворились в воздухе; на доли секунды передо мной предстала моя прежняя комната. За окном смутно колыхалась акация, стол был завален книгами; призрачная литография, любимая шапочка, канадские снегоступы, семейный кинжал – все вернулось на место. А за роялем – нет, не за органом – сидел и играл Блокита.

Дверь с размаху захлопнулась – растерянный, убитый горем, я остался за порогом.

Едва придя в себя, я отчаянно бросился к двери, чтобы ее проломить. Пальцы уперлись в сплошную холодную стену. Двери не было! Я ощупал не один ярд стены справа и слева. Надеяться было не на что: мне не подалось ни щели, ни трещины. С диким криком я кинулся вниз по лестнице. Никто не отозвался. В вестибюле мне попался негр; схватив его за шиворот, я потребовал назад свою комнату. Показав страшные белые зубы, острые, как зубья пилы, демон внезапным рывком высвободился из моих рук и со смехом и бессвязным лепетом скрылся за поворотом коридора. Пока я мерил неверными шагами дорожки

одинокого сада, моим крикам вторило эхо, а высокие траурные кипарисы окутывали меня тенью, как саваном. Мне никто не встретился. Нигде не было ни души. Я должен был в одиночестве сносить свое горе и отчаяние.

С того страшного часа я не видел своей комнаты. Я искал ее повсюду, но не нашел. Найду ли?